

ПРОЛОГ

ШПИОН ВОСХОДИТ В РАЙ по огненной лестнице. Подножие лестницы попирает поле боя, где доблестно павшие лежат, сплетаясь с телами своих врагов. Внизу по полю ползут черные крапинки. Жрецы, сборщики костей, сортируют трупы, подбирая к туловищам отсеченные головы и конечности перед отправкой похоронных обрядов. Тела убитых врагов поделит пантеон победителей, в наше время все боги — падальщики. Старые запреты более не соблюдались, не теперь, когда любая частичка души необходима, чтобы воевать дальше.

Согласно устоям Праведного Царства Ишмиры душам доблестно павших предстоит взбираться по этой лестнице в рай. Каждый шаг выжигает напрочь один грех, одну слабость, до тех пор, пока дух не очистится достойно пресвятой обители богини. Это правило ныне тоже не соблюдалось — лестница воронкой завивалась над битвой, жадно всасывая любую посвященную богине душу.

Шпион из праздного любопытства дотронулся до ступени. Огонь не опалил его — прохладен, как камень.

Здесь, зависнув в небе, шпион окинул взглядом все поле боя. Там, где, приведя с собой море, высадились ишмирские силы, могучий боевой флот углубился на сушу на десяток миль. А прямо под ним, на склонах намоленной защитниками высоты, держали оборону войска Маттаура.

Высота имела тройное значение. Здесь стояла духовная крепость богов Маттаура, где безглазые жрицы собирались на почитания их загробного божества. На этой возвышенности можно было спастись от чудотворного потопа, насланного пантеоном Ишмиры. И, что важнее

всего, шпион рассмотрел там остатки огневой позиции артиллерии. Алхимические пушки, приобретенные по баснословной цене в литейных города Гвердона. В ходе сражения эти орудия чуть не... что ж, метафора «обратили течение вспять» не подходит для битвы, где одна сторона уже давно властвует над морем, но армии Ишмиры понесли ужасные потери от алхимического оружия. Святыне гибли в муках, их кости обращались в свинец, легкие иссушал ядовитый газ. До сих пор на поле горел незаливаемый флогистон.

Пушки могли выиграть бой, не произойди божественного вмешательства. Сверху шпиону также видны три непомерно огромных сонаправленных борозды, прорези в склоне, полумилей в длину и полста футов высотой каждая — опустошение в самом средоточии Маттаура. Именно там львиноголовая богиня склонилась с небес и когтями вспорола своих противников.

Шпион достигает вершины лестницы и входит в рай.

Здесь смешались боги и люди. Флотские организовали командный пункт и разбили палатки посреди Двора Героев. Молодые офицеры в стильном обмундировании носятся туда-сюда, не обращая внимания на легендарных воителей прошлого. Два знаменитых полубога — один с головой змеи, другой — птицы — преграждают шпиону путь. То Саммет и Жестокий Урид, стражи райских врат. Клинок Саммета напитан невероятно насыщенным ядом, сотню человек способна убить одна капля; дюжину слонов готово пронзить одним броском копье Урида.

Молодой офицер с планшеткой замечает шпиона и окриком отгоняет обоих полубогов. Смущенные, они бредут к ближайшему шатру и грузно плюхаются у входа.

— Мне предписано встретиться с генералом Талой, — проговорил шпион.

— Генерала Талы нет в живых, — ответил молодой офицер. — Вас примет капитан Исиги из разведслужбы. — В голосе парня подтекст, нотка ревности. Шпион заметил ее и пропустил мимо ушей.

— За мной, — скомандовал офицер. — Не отставайте. — Он повел шпиона по Двору Героев. Твердь расчерчена разноцветными линиями, уходящими в разные

стороны. Офицер не поднимал глаз с разметки, и нимбы блаженных не отвлекали его. Следом за черной линией они выходят на сверкающее небесное побережье.

Оглянувшись, шпион увидел, как Саммет надраивает копьё, хоть наконечник и так лучезарнее солнца. Жестокий Урид, насупившись под пологом шатра, пытается сомкнуть клюв вокруг горлышка подобранной фляжки.

Шпиона подвели к новому шатру, вместительней прежних. Уютный полумрак палатки ласкал глаз, не в пример яркому сиянию снаружи. За грубым деревянным столом сидел другой офицер, женщина. Перед ней закрытая папка и блюдо красиво выложенных, будто яблоки, человечьих сердец.

— Это порученец генерала Талы, мэм, — объявил молодой офицер.

— Благодарю, лейтенант, — ответила Исиги. Ее лицо прежде могло быть прекрасным, но теперь его расчеркивали зигзаги свежих рубцов. — Я проведу планерку взамен генерала. — Она начала расстегивать китель. — Можете идти, лейтенант.

Шпион замечает, как крепко лейтенантская ладонь стискивает холщовую занавесь. Между этими военными что-то определенно было. Еще они слишком молоды для своих званий — Божья война и детей превратила в солдат. Занавесь опускается. В палатке становится совсем темно, но шпиону видно, как капитан Исиги аккуратно складывает на стул китель и весь мундир. Потом, заранее вздрагивая, она берет с блюда сердце и вгрызается в него.

И больше они в шатре не одни.

В этот момент безвременья шпион не осознает ничего, кроме всеподавляющего *присутствия* богини. Он сейчас воедино с ней в любом сражении, от обугленных полей внизу до каждой из войн по всему свету, от настоящих времен и до того, как кто-то в первый раз поднял камень и вышиб мозги своему супостату. Он воедино с ней во всех океанах, где проплывает Ишмирский флот. Воедино с ней на небесах, где доблестно павшие собираются под ее знамя и она поглощает их силы, дабы являть чудеса и впредь — и впредь побеждать. Завоеваниям нет конца, любая победа усугубляет ее власть — и ее алчность.

Но эта алчность слепа, власть бесцельна. Богине нет дела ни до чего, кроме бесконечного разрушения, вечно-го противоборства. Необходимы человеческие составные, чтобы придать смысл и порядок этому священному гневу. Здесь, в палатке, капитан Исиги — затравочный кристалл, веретено, на которое наматывается богиня.

Смуглую кожу Исиги внезапно покрывает золотистая шерсть, мех, испускающий собственное занебесное свечение. На груди проявляется инкрустированная кираса; талию опоясывает юбка из кожаных жгутов, на каждом из которых насажен череп. Череп же капитана искажается и разламывается. Челюсти выпускают огромные клыки, тогда как голова становится головой львицы.

Богиня Пеш, Царица Львов, божество войны ишмирского пантеона — вернее, ее аватара, созданная из капитана Исиги, — удовлетворенно мурлычет и усаживается обратно. Шпион, ничуть не тревожась, отметил, что простой деревянный стул превратился в трон из черепов, а нешкуренный стол в пропитанный кровью жертвенник. Сердца вновь принимаются биться, испуская на пол алые струи.

Впрочем, папка по-прежнему папка. Исиги — или эта сдвоенная сущность скорее Пеш, чем Исиги? — берет ее, вытягивает коготь и разрезает металлическую печать. Шпион поежился от изящества этого движения, зная, что те самые когти недавно вспахали полумильные рвы на склоне под ними. Исиги перебирает бумаги, безмолвно их изучает. В шатре гулко от божественного дыхания с запахом мяса и сандалового дерева.

Этим запахом в итоге все и кончается.

Избегая думать о неизбежном, шпион размышлял, сколько раз уже Исиги проводила богиню в наш мир. Не много, догадывался он — шрамы еще свежи. Боги суровы со святыми. Однажды от Исиги останется слишком мало, чтобы вернуться к смертному виду. Он почти посочувствовал молодому офицеру, что привел его сюда. Парень уступил свою возлюбленную объятьям богини, и нет простого способа разорвать такие узы.

— Икс-84? — заговаривает святая. Его новый присвоенный код в картотеке разведки. Первое имя, которое

действительно его. Неожиданно ему становится от этого приятно, и он кивает.

— Сангада Барадин, — читает Исиги. Под этим именем шпион известен Ишмирскому разведывательному корпусу. — Из Севераста. Род занятий: купец. — Она сверкнула на него желтым глазом. — Купец, — ехидно повторила она.

— Я покупал и продавал, — подсказал Икс-84. — Покупал не всегда то, что законно, а продавал не всегда свое.

— Преступник, — рычит она. Шпиону становится видно: равновесие кренится, и составная, обобщенная сущность напротив него теперь чуточку более Царица Львов и менее — Исиги.

— Отвечу вот как, — говорит шпион богине, — давайте я сосчитаю, скольким в Северасте я причинил ущерб, а вы сочтите всех убитых здесь вами, и поглядим, чья чаша весов перетянет.

— Война священна, — машинально возражает богиня. И здесь, в обители воинов, это воистину так.

Он пожал плечами:

— Вы знали, кто я, и до того, как меня завербовали.

— Живые родственники здесь не указаны, — замечает богиня, постукивая по строчке. — Есть друзья в лагерях? Любимые? — Нынче все из Севераста заключены в лагеря для пленных. Пережившие ишмирское завоевание содержатся там до тех пор, пока не будут обращены или принесены в жертву пантеону победителей. Из соседей Севераста Маттаур последним сопротивлялся захватчикам.

— Не имею.

— Тогда откуда у тебя желание служить Праведному Царству Ишмиры? — вопрошает богиня.

— Вы побеждаете, — говорит шпион, — и сможете заплатить.

Равновесие незаметно качается в обратную сторону, и лист в папке переворачивает уже Исиги.

— Вы ввозили купленное у гвердонских алхимиков оружие.

— Да.

— У вас сохранились с ними связи?

— Честно, не знаю. Были. Налажу еще. Я этот город знаю.

— Город изменился, — предупреждает капитан, — и способен мигом поменяться опять. Не считайте его безопасным убежищем вдалеке от войны.

— Я был в Северасте во время его захвата вашей армией, капитан. Почему в наши дни безопасность, я уяснил.

Исиги отворачивается и пролистывает остальную папку в тишине. В палатке звучит лишь шелест страниц, урчащее дыхание богини и мягкий перестук черепов на юбке, когда она шевелится на стуле. Икс-84 от нечего делать вертит одно пульсирующее сердце на блюде.

— Не лапай, — рыкает богиня.

— Простите.

Она просматривает последнюю страницу, затем, быстрее взгляда, хватая его за руку и полосует когтем. Порез наливается кровью. Она наклоняет львиную голову к его ладони, пригубить крови, но он отдергивает руку обратно и, морщась от боли, укачивает на изгибе локтя.

— Вы что творите?

Пеш рычит:

— У нас нет причин тебе верить, Барадин. Поэтому я вкушу твоей крови и познаю тебя. Коль продолжишь верно служить, будешь вознагражден. Коли предашь нас, я лично поймаю тебя и покараю. Давай свою кровь.

Шпион кивает и подсовывает трясущийся окровавленный палец. Она небрежно облизывает его, затем подписывает последнюю страницу, божественным повелением ставит печать, закрывает папку. И объявляет приказ:

— Начинай готовиться к путешествию в Гвердон. Ты будешь сопровождать в пути еще одного агента и обеспечишь его прибытие.

— Кто этот агент?

— Святой моего брата. Избранный Ткача Судеб.

Он делано разозлился. И профессионально огрызнулся:

— Тяжеловато будет нелегально провезти в город вашего разведчика, если у него восемь ног.

— Ребенок все... — Богиня что — едва заметно замешкалась? Будто отведала горечи? — еще человек. По исполнении, верно, получишь дальнейшие указания.

— Постойте! — бросает шпион. — А моя оплата?

— Золотые монеты, по одной за...

— Только не золотые. Золото рухнуло в цене с тех пор, как ваш Благословенный Бол принялся превращать своих противников в золотых истуканов. Нет, мне пожалуйте гвердонского серебра. — Плевать было шпиону на деньги, но это отвлекло богиню от привкуса крови.

— Тебе будут платить золотом, — молвит она. — Пока не докажешь, что особо полезен.

— Что от меня требуется?

Богиня уже уходит, ее завершающий ответ причудливо раздвоен.

— С вами свяжутся по прибытии, — сообщает Исиги, и в тот же миг, теми же устами:

— Война, — изрекает богиня. — Война священна.

И на этом Пеш отбывает и остается одна Исиги. Капитан обмякает, когда ее тело ужимается до смертных пропорций, морда дробится, принимая человечесьи черты. Она на ощупь достает из-под стола заляпанное кровью полотенце и промакивает лицо — оно в открытых ранах.

— Выметайтесь, Барадин, — приказала она, не глядя. — Лейтенант проводит вас назад к лестнице.

Полог откинулся, и внутрь несмело заглянул лейтенант. Он ахнул при виде ран на лице Исиги, пота и крови на ее голой коже. Поспешил к ней.

— Ничего, — бормочет шпион, — я сам себя провожу.

Прежде чем ишмирские офицеры успели возразить, он ускользнул наружу и быстро двинулся вдоль черной линии, склонив голову, отстранившись от расквартировки захватчиков. Разметка привела его на край райской тверди, и он начал спуск по огненной лестнице обратно, туда, где обретается смертный мир.

На полпути он вытащил из-под рубашки украденное с блюда сердце и выбросил его вниз, в далекий океан. Нечисто вытерся, потом, разорвав ткань, наспех сварганил перевязку.

Богиня поцарапала, но крови его не вкусила.

Ей не познать, кто он.

ГЛАВА 1

ЕСЛИ БЫ У САНГАДЫ БАРАДИНА БЫЛ сын, то его кости лежали бы сейчас где-нибудь в развалинах Севераста. Может статься, проклятье богатства, насланное Благословенным Болом, превратило бы его в кричащее золото, или его проткнула бы пика из лунного света. Даже если бы он пережил вторжение, то, вероятно, был бы убит в дикой жертвенной оргии, когда банды боевых жрецов прочесывали улицы, вырезая целые районы согласно похоронным обрядам того или иного бога. Шпион видел, как святоши толкали изукрашенные резьбой баки — из переполненных резервуаров выплескивались морская вода и кровь, в них людей топили, поклоняясь Кракену. Для Благословенного Бола братские могилы усыпались монетами. Царицу Львов чтители каннибальскими пиршествами. Даже нашелся способ ускорить небыстрое бальзамирование Ткача Судеб — мумификация проходит чересчур долго, но импортные гвердонские алхимические консерванты могли за минуты сотворить то, на что в Папирусных Гробницах уходили годы.

Если бы у Сангады Барадина был сын, то мальчик был бы мертв.

Но хотя шпион и не Сангада Барадин, а мальчик в одной с ним каюте — не его сын, в течение этого путешествия с южных земель в Гвердон он звался Барадин, а мальчуган — Эмлин. Малому где-то одиннадцать или двенадцать, однако изредка из глаз его выглядывало нечто куда более старое.

Когда его представили шпиону, у мальчика не было имени. Его имя забрали в Папирусных Гробницах.

Сангада нарек его Эмлином. Это означало «паломник» на языке Севераста.

Вжиться в роли беженцев с Божьей войны было легче легкого для обоих. Ходи, будто внутри пуст. Не повышай голос, дабы не привлечь внимания никакого безумного божества. Дрожи, когда погода меняется, когда сквозь тучи пробивается солнце, когда раздается слишком громкий, слишком выразительный шум. Шарахайся от знамений. Мужчина, которого зовут не Сангада Барадин, и мальчик, которого вообще никак не зовут, прибыли на борт парохода неделю назад и взошли по сходням, склоняя головы вместе с толпой прочих уцелевших. Связи Сангады и богочеканное золото снискали им отдельную каюту.

Свыкнуться с ролью отца с сыном было труднее. Сангада не занимал официальной должности в Ишмирском разведывательном корпусе. Не был он и жрецом Паука — Ткача Судеб. И, если на то пошло, прежде и отцом-то не был.

— Я — избранник Ткача Судеб, — провозгласил Эмлин первой ночью в море, когда они остались одни в каюте. — Твоя судьба уже спрядена, Икс-84. Нить твоей жизни в моих руках, и тебе следует мне подчиняться. — Под-ростковый голосок дрогнул, воспроизводя слова, которым его учили в храмах. Мальчишка мелок для своих лет. Темноволосый, темноглазый, бледный от проведенных в Папирусных Гробницах лет. Он гордо выпрямился, как подобает тому, кто твердо уверен в своей избранности.

Сангада склонил голову и торжественно произнес:

— Моя жизнь в твоих руках, юный хозяин, но вне каюты я — Сангада Барадин, а ты — мой сын. И я тебе здорово влеплю, вздумай ты болтать без разрешения.

Мальчик нахмурился, лицо побагровело от гнева, но, прежде чем он успел что-то произнести, шпион добавил:

— Вживайся в личину, юный хозяин. Ткачу Судеб угодно хранить тайны, покрытые тенью. Никто вне этой каюты не должен знать правду. Лишь мы с тобой.

И после этого шпион не раз видел на лице мальчика тайную гордость, когда тот притворялся сыном Саганды.

Эмлин, слышал шпион, вырос в ишмирском монастыре, хотя и не был ишмирцем по рождению. Семья погиб-